

О.И. Семькина

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Аннотация. В статье проводится анализ генезиса уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экономической направленности на современном этапе развития законодательства России и некоторых зарубежных государств; выявляются наиболее актуальные тенденции его модернизации, соответствия международным правовым стандартам в данной сфере противодействия преступности; предпринимается попытка установить не только позитивные тенденции развития российского уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности в русле их соответствия зарубежному опыту, но и определить отдельные отрицательные предпосылки такой модернизации.

Ключевые слова: Преступления экономической направленности, преступления коррупционной направленности, хищение бюджетных средств, взяточничество, незаконное обогащение, торговля влиянием, конфискация преступных доходов, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования, уголовная ответственность юридических лиц.

Понятие «преступления экономической направленности» наряду с такими определениями, как «экономическая преступность», «экономические преступления», «преступления в сфере экономики», «преступления в сфере экономической деятельности», не только прочно вошли в категориальный аппарат доктрины уголовного права и иных отраслей правовой науки, но и широко используются практическими работниками правоохранительных органов. Существуют самые различные теоретические определения перечисленных категорий, причем зачастую они рассматриваются как идентичные названия одного и того же социально-правового явления¹. На наш взгляд наибольшую эмпирическую ценность в анализе уголовно-правовой и криминологической картины деяний, ориентированных на причинение вреда отношениям, складывающимся в процессе оборота материально-опосредованного продукта, под видом таких отношений, либо обу-

словленных ими, отражает категория «преступления экономической направленности». Но и здесь возникают некоторые теоретические затруднения². Применительно к определению термина «преступления экономической направленности» среди ученых наметилось некое единство позиций. Вместе с тем, в отношении видов (перечня и критериев) деяний, образующих эту категорию преступлений, тождественных суждений не имеется. При попытке определения сущности преступлений экономической направленности следует отметить, что российское уголовное законодательство не содержит их дефиниции. Начиная с 1997 г.³ (параллельно со вступлением в силу УК РФ 1996 г.), в ведомственных указаниях МВД РФ стали разрабатываться перечни и критерии различных категорий преступлений, в том числе и преступлений

¹ Шмонин А.В. Понятие преступлений экономической направленности // Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 8–33.

² Шмонин А.В. К вопросу о понятии преступления экономической направленности // Российский конституционализм: история, теория, практика. – Сборник научных статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации / Под ред. О.В. Кабаковой. – Ставрополь: ООО ИД «ТЭСЕРА», 2013. С. 319–329.

³ Указание МВД РФ от 28 января 1997 г. № 1/1157 «О порядке определения экономической направленности выявляемых преступлений».

Статья рекомендована к опубликованию на заседании секции публичного права Ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

экономической направленности. С 2005 г. такие указания приобрели систематический характер⁴.

В настоящее время виды составов преступлений экономической направленности конкретизируются в Перечнях № 1 и № 2 совместного указания Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 11 сентября 2013 г. № 387-11/2 «О введении в действие Перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»⁵. В названных Перечнях преступления экономической направленности ограничиваются деяниями: а) связанными с производственно-хозяйственной и финансовой деятельностью; б) совершенными широким кругом специальных субъектов (должностными, материально ответственными и иными лицами, выполняющими организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции; лицами, имеющими доступ к предмету преступного посягательства, но не обладающими указанными функциями; лицами, выполняющими обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности). В рамках настоящего исследования акцентируем внимание на том обстоятельстве, что разработанные в совместном Указании Перечни преступлений экономической направленности преследуют реализацию трех первоочередных задач. Во-первых, совместные Указания ориентированы на потребности статистического учета по разграничению компетенции правоохранительных органов и фиксацию результатов эффективности (неэффективности) их деятельности, нежели на уголовно-правовое определение понятия «преступления экономической направленности». Во-вторых, Перечни преступлений экономической направленности призваны обеспечивать единый подход и полноту отражения сведений о состоянии одноименной категории преступности и результатах борьбы с ней в формах государственного статистического наблюдения⁶ и, как следствие, отражать ее криминологи-

ческую картину. В-третьих, группировка преступлений экономической направленности согласно критериям, установленным в Перечнях Указания, ориентирована на выявление тенденций развития российского уголовного законодательства об отдельных видах либо группах таких деяний в их статике и динамике. Таким образом, *выделение видов преступлений экономической направленности позволяет выявить динамические особенности развития уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экономической направленности, нежели говорить об особенностях их квалификации.*

Наметившаяся в России тенденция к снижению динамики преступлений экономической направленности⁷, с одной стороны, свидетельствуют о том, что действующее уголовное законодательство сформировало отвечающее современным экономическим потребностям систему норм о преступлениях экономической направленности. В то же время можно увидеть и другую, менее привлекательную, сторону. Преступления экономической направленности взаимосвязаны с организованной преступностью, «срастаются» с коррупционными, международными и межрегиональными факторами преступности⁸. Выявляется снижение эффективности в деятельности правоохранительных органов по выявлению лиц, совершивших преступления экономической направленности. Сегодня, наиболь-

вания преступлений на территории государств – участников СНГ: Сводный отчет (Ф. 785) и др.

⁷ На современном этапе отмечается устойчивый (из года в год) отрицательный темп прироста преступлений экономической направленности. По сравнению с отчетными периодами 2008 г. (выявлено 448832 преступления) и 2012 г. (172975) в 2013 г. (141229) на 68,5% и 18,4% соответственно сократились темпы прироста преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2008 г., январь – декабрь 2012 г., январь – декабрь 2013 г. [Электронный ресурс]: Министерство внутренних дел Российской Федерации [Сайт]. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf; http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vlXMMRlab8.pdf; <http://mvd.ru/upload/site1/import/f30be32d4e.pdf> (дата обращения: 14.03.2014).

⁸ Применительно к такому «сращиванию», можно отметить две противоположные тенденции. С одной стороны, как позитивный фактор следует расценивать сокращение в 2012 г. по сравнению с 2007 г. темпов прироста преступлений экономической направленности, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций) с использованием международных (-80,8% или в 5,2 раза) и коррумпированных (-57,1% или в 2,3 раза) связей. С другой стороны, нельзя обойти вниманием и тот негатив, что в отличие от 2007 г. в 2012 г. на 16,5% (или в 1,2 раза) увеличился темп прироста преступлений, совершенных на межрегиональном уровне в организованной форме соучастия // Сводный отчет по России «О результатах борьбы с организованной преступностью» за 2007–2012 гг. (Ф. 582).

⁴ Указания о перечнях и критериях различных категорий преступлений, используемых при формировании статистической отчетности, ежегодно издаются в соответствии с Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений: Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» // Рос. газ. 2006. 25 января. № 13.

⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁶ См., напр.: О результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности: Сводный отчет по России (Ф. 050); О результатах борьбы с организованной преступностью: Сводный отчет по России (Ф. 582); О состоянии преступности и результатах расследо-

шему криминальному влиянию подвержены такие отрасли экономики, как финансово-кредитная сфера, потребительский рынок, внешнеэкономическая деятельность и область антимонопольного регулирования. По-прежнему, наибольшее число преступлений экономической направленности посягают на собственность, экономическую деятельность, интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организаций, правосудие⁹. Возникает закономерный вопрос: аргументировано ли действует законодатель, осуществляя масштабную декриминализацию преступлений экономической направленности, устанавливая за совершение многих из них «экономические санкции», а также широко применяя основания освобождения от уголовной ответственности за совершение данной категории преступлений? Исторический опыт установления уголовной ответственности за преступления экономической направленности дает неоднозначный ответ на этот вопрос. Как известно, усиленные репрессивные начала в уголовно-правовой охране экономической системы не приводили к исключительно положительным результатам – если уровень преступлений экономической направленности и снижался, то достаточно медленными темпами, одновременно появлялись новые способы посягательства на экономику и увеличивались масштабы латентности этих деяний. Но и чрезмерная либерализация уголовно-правовых санкций за преступления экономической направленности приводила к расширенной дискреции правоприменительных органов – «мягкие» уголовно-правовые меры противодействия применялись даже за совершение тех преступлений, степень общественной опасности которых выходила за рамки такой либеральности. В результате, был создан «фундамент» криминализации и декриминализации деяний экономической направленности, основывающийся на приоритете того или иного экономического блага в определенный период развития государства и общества. Именно такой критерий превалирует и в современном процессе модернизации уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности. О последнем обстоятельстве свидетельствует как опыт России, так и зарубежных государств.

Начиная с 2010 г., в российском законодательстве были осуществлены «массовые» шаги, приближающие уголовно-правовые меры противодействия преступлениям экономической направленности к уровню их должной эффективности. Например, изменению подверглась государственная уголовная политика в сфере

противодействия анализируемым преступлениям. В государственной Программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (далее – Программа) прогнозируется долгосрочная перспектива повышения к 2020 г. эффективности противодействия преступлениям экономической направленности путем увеличения удельного веса выявленных правоохранительными органами наиболее опасных видов соответствующих преступлений (до 64,8%). В Программе сконцентрировано внимание на недопущении проникновения участников организованных групп, коррумпированных должностных лиц в выборные органы власти, выводе предприятий, осуществляющих деятельность в бюджетобразующих отраслях экономики, из-под контроля организованных групп и преступных сообществ, выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности, носящих международный и межрегиональный характер¹⁰.

Вероятно, приведенная в Программе констатация уголовно-правовой охраны «бюджетобразующих отраслей экономики» обусловила тенденцию к криминализации преступных манипуляций с бюджетом различных уровней. Например, в этом русле был разработан проект Федерального Закона РФ № 371176-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции»¹¹. В названном законопроекте предлагается дополнить УК РФ новой правовой нормой (ст. 164¹) и установить уголовную ответственность за такое преступление экономической направленности, как «хищение бюджетных средств, а равно финансовых активов государственной компании и (или) государственной корпорации», в том числе в организованной форме соучастия.

Не вдаваясь в дискуссию о «дублирующих» аспектах конструкции указанной в законопроекте статьи в контексте положений Особенной части УК РФ, все же следует отметить ее несоответствие динамическим изменениям уголовного законодательства некоторых зарубежных государств. Как правило, нормы об ответственности за посягательства на бюджетную сферу неразрывны от состава мошенничества (и иных обманов), рассматриваются в качестве одного, хотя и более

⁹ Шмонин А.В., Семькина О.И. К вопросу о состоянии борьбы с преступлениями экономической направленности в России // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1–2 (29–30). С. 187–192.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 313-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2013. № 11. Ст. 1145.

¹¹ Государственная Дума РФ [Сайт]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=371176-6&02> (дата обращения 23.04.2014).

общественно опасного способа его совершения. В *УК Германии*, например, из числа специальных видов мошенничества выделяется мошенничество при получении субвенций и субсидий (§ 264). Это деяние предполагает представление с целью получения субвенции или субсидии из государственного бюджета или иных источников компетентным органам или какому-либо иному учреждению или лицу, предоставляющим субвенцию (субсидию) из федерального или местного бюджета или из иного источника средств, неверных или неполных данных, имеющих материальную выгоду для самого субъекта или других лиц. В законодательстве *Франции* ответственность за посягательства на бюджетную сферу также регламентируется в рамках мошенничества. В частности, в числе специальных видов мошенничества называется подача неточного или фальсифицированного заявления с целью получения социальных пособий или ассигнований (ст. L 114-13 Кодекса социальной безопасности). Практически не отличается подход к криминализации деяний, посягающих на бюджетную сферу, в законодательстве англо-саксонской системы права. Так, в *Великобритании* ответственность за мошенничество в бюджетной сфере может наступить по Закону о преступлениях обманного характера 2006 г. Причем термин обман (*fraud*) имеет более широкое значение и охватывает многие разновидности мошенничества в бюджетной сфере, совершенные путем ложного заявления, несообщения информации и злоупотребления положением¹². В *Австралии* различные виды мошенничества, в частности, мошенничество с бюджетными средствами описываются в Федеральном руководстве Содружества по контролю за мошенничеством 2011 г. Несколько иной подход к установлению ответственности за посягательства на бюджетную сферу наблюдается в уголовном законодательстве близких к нам по правовой системе *государств – участников СНГ*. К примеру, в *УК Азербайджана* незаконное завладение и расходование бюджетных средств, совершенное путем нарушения правил использования государственного долга или долга, полученного под государственную гарантию и причинившее ущерб государству (ст. 195-1), рассматривается как преступление в сфере экономической деятельности.

Сравнительно-правовой анализ перечисленных уголовно-правовых норм позволяет выявить два подхода к регламентации ответственности за посягательства на бюджетобразующие отрасли экономики в законодательстве зарубежных государств. Во-первых, преступные манипуляции с бюджетом относятся к

способам совершения мошеннических или иных обманных деяний в сфере кредитования и при получении бюджетных выплат (Австралия, Великобритания, Франция, Германия). Как известно, многие виды мошенничества, связанные с освоением бюджетных средств, уже нашли свое отражение в УК РФ и охватываются ст. ст. 159, 159² и 159⁴. Во-вторых, в уголовное законодательство некоторых стран ближнего зарубежья, преступное завладение бюджетными средствами относит к специальным видам «экономических обманов», сопряженных с незаконным получением и расходованием бюджетных средств (Азербайджан). Аналогичные деяния также подвержены криминализации в российском уголовном законодательстве (например, в ч. 2 ст. 176 УК РФ).

Принятый в период 2010 – 2013 гг. «пакет» нормативных правовых актов, ориентированных на совершенствование уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности, в большей части был сконцентрирован на устранении недостатков, ослабляющих уголовно-правовую защиту отношений в сфере экономической деятельности, страдающих избыточной криминализацией¹³. Здесь можно обозначить следующие базовые тенденции: 1) усиление ответственности должностных лиц, особенно за совершение коррупционных преступлений экономической направленности; 2) декриминализацию деяний, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; 3) криминализацию общественных отношений в бюджетной сфере; 4) повышение крупных и особо крупных размеров совершения преступлений экономической направленности как признаков, влияющих на квалификацию деяния; 5) следование международным антиотмывочным стандартам в сфере кри-

¹³ См., напр.: Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1756; Федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. газ. 2011. 14 декабря. № 281; Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2010. 30 июля. № 168; Федеральный закон РФ от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2011. 26 июля. № 161; Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752; Федеральный Закон РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

¹² The Handbook of Comparative Criminal Law / Edited by Kevin Jon Heller and Marcus D. Dubber. Stanford University Press. Stanford, California, 2011.

минализации признаков деяний, предусмотренных в ст. 174 и 174¹ УК РФ. Тем не менее, в настоящее время в тенденциях совершенствования российского уголовного законодательства процесс криминализации деяний экономической направленности пока еще преобладает над их декриминализацией.

Проявилась неоднозначная с точки зрения теории уголовного права и процесса тенденция в модернизации норм об ответственности за преступления экономической направленности в части распространения «экономических санкций» за такие посягательства. Речь идет о закреплении в УК РФ ст. 76¹ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» и в УПК РФ – ст. 28¹ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»¹⁴. Эти новации коснулись двух групп преступлений в сфере экономической деятельности (объединенных в гл. 22 УК РФ), и включили применение к совершившим соответствующие деяния лицам специальной «экономической санкции», отличной от наказания в виде штрафа и в некоторых случаях превышающей его размеры. В целом, вопрос о целесообразности установления в УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а в УПК РФ – прекращения уголовного преследования по этой же категории уголовных дел достаточно подробно и, скорее, с отрицательной стороны оценен на страницах юридической литературы¹⁵.

Не смотря на негативную доктринальную оценку обозначенного нововведения, схожие (но не идентичные) основания освобождения от ответственности за совершение преступлений экономической направленности

ности нашли отражение в уголовном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. Кроме того, с нашей точки зрения, отдельные «границы» ст. 76¹ УК РФ можно рассматривать как «национальный аналог» такого вида конфискации преступных доходов, присущей странам с общей системой права, как конфискация активов путем налогообложения. Итак, в гл. 12 Общей части УК Беларуси в числе оснований, освобождающих от уголовной ответственности и наказания, указывается «освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем» (ст. 88-1). Уголовный закон в порядке дискреции позволяет освобождать от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам и не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, если оно: 1) добровольно возместило причиненный ущерб (вред); 2) уплатило доход, полученный преступным путем; и 3) выполнило иные, предусмотренные законом, условия освобождения от уголовной ответственности. Это основание освобождения от уголовной ответственности может быть применено также к лицу, совершившему несколько преступлений, если условия освобождения от уголовной ответственности соблюдены им в отношении каждого из преступлений. В уголовном законодательстве Молдовы предусматривается возможность освобождения от ответственности, в том числе за совершение впервые преступлений экономической направленности средней тяжести, в связи с привлечением к ответственности за соответствующие правонарушения (ст. 55 УК). В данном случае лицо освобождается от ответственности, если оно: 1) признало вину; 2) возместило причиненный преступлением ущерб; и 3) может подлежать исправлению без привлечения к уголовной ответственности. К освобожденным от уголовной ответственности лицам могут применяться штрафные санкции либо административный арест.

Особую актуальность для России приобрела борьба с коррупционными преступлениями экономической направленности (прежде всего, предусмотренными ст. ст. 204, 290, 291 и 291¹ УК РФ). Повышенное внимание законодателя именно к данной категории деяний обусловлено несоответствием некоторых уголовно-правовых норм и правоприменительной практики действующим международным антикоррупционным стандартам. В частности, в российском уголовном законодательстве выявлялись несоответствия между конвенционными положениями о криминализации подкупа в частном и публичном секторах экономики. Например, согласно

¹⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

¹⁵ См., напр.: Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 20-21; Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 43-47; Голик Ю. Нельзя откупаться от правосудия (реплика) // Уголовное право. 2011. № 3. С. 12-13; Лифанова Л.Г. Норма о прекращении уголовного преследования по делам о нарушении законодательства о налогах и сборах нуждается в совершенствовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию) профессора Р.С. Белкина): Сб. матер. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. С. 86-89; Соловьев Г.О., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80-82.

конвенционным рекомендациям состав уголовно наказуемого подкупа должен включать также сознательное предложение и обещание прямо или через посредников любых материальных, денежных или иных преимуществ со стороны любого юридического или физического лица в пользу должностных лиц иностранных государств, или для таких должностных лиц, или для третьих лиц в обмен на определенные действия (бездействие) данного должностного лица в связи с выполнением им служебных обязанностей в целях получения или сохранения деловой выгоды, а равно получения неадекватных преимуществ при осуществлении международных деловых операций¹⁶. Требуется установление в качестве уголовно наказуемых деяний подкупа национальных публичных должностных лиц, иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, в том числе совершенного путем обещания, предложения и вымогательства какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие (бездействие) при выполнении своих должностных обязанностей, а также незаконного обогащения¹⁷. Рекомендации о возможности и целесообразности имплементации в российское уголовное законодательство приведенных и иных конвенционных рекомендаций уже изложены в юридической литературе¹⁸.

Развивая столь сложную проблематику, небезынтересно указать, что некоторые государства – участницы СНГ уже прибегли к криминализации в качестве оконченного состава преступления обещания и предложения взятки (подкупа). Однако законодатель каждой из стран СНГ выбрал различные подходы к конструированию таких правовых норм, базирующиеся, прежде всего, на принципах национальной правовой системы. Например, в *УК Азербайджана* (ст. ст. 311, 312) и *УК Молдовы* (ст. ст. 333, 334) предложение каких-либо материальных выгод или обещание (заверение) в их получении закрепляется в диспозициях соот-

ветствующих уголовно-правовых норм и включается в понятие «получение взятки» и «дача взятки».

Многие «несовершенства» отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с отдельными преступлениями экономической направленности комментировались в рекомендациях сводного Отчета по Российской Федерации о первом и втором раундах оценки ГРЕКО от 5 декабря 2008 г.¹⁹, а также в Отчете ГРЕКО о выполнении Российской Федерацией таких рекомендаций от 3 декабря 2010 г.²⁰ В этих оценочных документах отмечался, например, факт отсутствия в российском уголовном законодательстве ответственности за подкуп иностранных публичных должностных лиц или членов иностранных публичных организаций (п. 37) и *рекомендовалось принять необходимые законодательные меры с целью введения ответственности юридических лиц за коррупционные преступления* (п. 332; рек. № xxiv). Приняв во внимание приведенные и иные «пробелы», начиная с 2011 г. в российское уголовное законодательство вносились существенные изменения и дополнения, нацеленные на усиление мер уголовно-правовой борьбы с так называемыми «традиционными» коррупционными преступлениями экономической направленности, совершенных в частном и публичном секторах экономики. В частности, придерживаясь рекомендаций антикоррупционных международных стандартов, законодатель установил уголовную ответственность за получение взятки не только должностным лицом, но и иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации. Произошло расширение предмета взятки и, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, стали признаваться незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление иных имущественных прав. Были пересмотрены санкции статей о коммерческом подкупе (ст. 204 УК РФ), даче взятки (ст. 290 УК РФ) и получении взятки (ст. 291 УК РФ), а также «возрождена» некогда существовавшая в российском законодательстве ответственность за посредничество во взяточничестве (290¹ УК РФ)²¹.

¹⁶ Конвенция ООН по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 21 ноября 1997 г. (ст. 1) // СЗ РФ. 2012. № 17. ст. 1899; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ст. 8) // СЗ РФ. 2004. № 40. ст. 3882.

¹⁷ Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (ст. ст. 15, 16) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

¹⁸ См., напр.: Сидоренко Э.Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Международное уголовное право. 2013. № 1. С. 13–18.

¹⁹ Joint First and Second Evaluation Rounds. Evaluation Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 40th Plenary Meeting (Strasbourg, 1–5 December 2008) // Group of States Against Corruption [сайт]. URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 23.04.2014).

²⁰ Compliance Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 49th Plenary Meeting (Strasbourg, 29 November – 3 December 2010) // Group of States Against Corruption [сайт]. URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 23.04.2014).

²¹ См., напр.: Декрет СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» (ст. 3) // СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 421; Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ст. 118) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600; Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (ст. 1741) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 48.

Безусловно, в последнее время проделана колоссальная работа по приведению в соответствие с международными антикоррупционными рекомендациями российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям экономической направленности, в том числе коррупционным деяниям. Однако в настоящее время *за рамками криминализации по-прежнему находится незаконное обогащение*. Между тем, Конвенция ООН против коррупции требует от национального законодательства повышения прозрачности (транспарентности) в государственном управлении (ст. 10). Как видится этому процессу и должно способствовать установление ответственности за незаконное обогащение (незаконное богатство), выражающейся в значительном увеличении активов публичного должностного лица, законность происхождения которых он не может обосновать разумным образом. К числу стран, которые регламентировали нормы об уголовной ответственности публичных должностных лиц за завладение «неподверженными доходами» относятся Великобритания, Аргентина, Гонконг, Италия, Чили, Эквадор, Сальвадор, Индия, Парагвай, Перу, Филиппины, Эфиопия и Южная Африка и др.²² В рамках постсоветского пространства, «пионерами» в признании уголовно наказуемым деянием незаконного обогащения, по праву являются уголовные законы Кыргызстана и Молдовы. Вместе с тем, в законодательстве каждой страны с учетом национальных правовых принципов по-разному определяются аспекты такой криминализации. Например, в уголовном законодательстве Молдовы незаконное обогащение понимается как владение должностным или публичным лицом, лично либо через третьих лиц, имуществом, стоимость которого существенно превышает полученные им средства и в отношении которого установлено на основании доказательств, что оно не могло быть получено законным путем (ст. 330-2 (1) УК). В уголовном законе Кыргызстана незаконное обогащение заключается в увеличении активов должностного лица в значительном либо крупном размере²³, превышающем его за-

конные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать (ст. 308-1).

В развитие указаний ГРЕКО *о необходимости расширения оснований применения конфискации имущества*, Федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в статью 104² Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁴ расширил сферу применения данного правового института за счет установления возможности конфискации не только денежных средств, но и иного личного имущества осужденного на соответствующую сумму в случае недостаточности для конфискации принадлежащих ему денежных средств. Кроме того, с принятием Федерального Закона РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям», российское уголовное законодательство сделало еще один шаг к имплементации международных стандартов (в частности, рекомендаций ФАТФ 2012 г. по борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения²⁵), а также приблизилось к законодательному опыту зарубежных государств в сфере конфискации доходов, полученных от преступной деятельности. Этим законом предметом конфискации было признаны доходы, полученные в результате самозаконности и отмывания денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. ст. 174, 174¹ УК РФ). В целом, анализ действующей редакции ст. 104¹ УК РФ и различных законодательных инициатив по модернизации этой уголовно-правовой нормы, позволяет отметить приближение, хотя и в замедленном режиме, российского уголовного законодательства к рекомендациям международных антиотмывочных стандартов.

Вместе с тем, существующий зарубежный опыт в сфере законодательного реагирования применения

²² Голованова Н.А. Уголовно-правовые способы борьбы с коррупцией // Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / Н.А. Власенко, С.А. Грачева, Е.Е. Рафалюк и др.: отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 227.

²³ Значительным увеличением активов признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного или неимущественного характера, в 3 тыс. раз превышающая расчетный показатель, установленный законодательством Кыргызской Республики на момент совершения преступления; увеличением активов в крупном

размере – в 5 тыс. раз превышающая расчетный показатель, установленный законодательством Кыргызской Республики на момент совершения преступления (примечание к ст. 308-1 УК Кыргызстана).

²⁴ Президент России [сайт]. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1618832> (дата обращения: 23.04.2014).

²⁵ International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation – the FATF Recommendations 2012 // http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF_Recommendations.pdf (дата обращения: 23.04.2014); Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. – М.: Вече, 2012. С. 13–14, 39, 49, 53–54, 148, 161.

конфискации имущества за преступления экономической направленности, как с теоретической, так и с практической точек зрения является более прогрессивным. Например, в США, Великобритании, Канаде, Австралии и Словении выделяется четыре вида конфискации: 1) административный арест и конфискация денежных средств правоохранительными органами (например, таможней); 2) конфискация активов путем налогообложения наряду с процедурой гражданской конфискации в случае подозрения о получении доходом преступным путем; 3) конфискация в уголовном порядке путем безвозмездного изъятия денежных средств после осуждения лица; 4) конфискация активов вне уголовного производства. В 1992 г. в Италии, в 2002 г. в Финляндии, в 2008 г. в Швеции и Хорватии, в 2012 г. в Румынии была введена расширенная конфискация, основанная на более упрощенном механизме доказывания. При расширенной конфискации именно обвиняемому следует доказать (или, по крайней мере, убедительно подтвердить), что, несмотря на диспропорцию, его (ее) имущество имеет законное происхождение. В отличие от общей конфискации расширенная конфискация дает возможность для конфискации имущества за пределами прибыли, полученной, например, в связи со снижением налогов или прибылью на рынке акций. Конфискация имущества, как мера наказания либо мера уголовно-правового характера (мера безопасности), широко используется в уголовном законодательстве государств-участников СНГ. Например, УК Азербайджана рассматривает конфискацию имущества в качестве уголовно-правовой меры (гл. 15-1). При этом уголовный закон Азербайджана в ст. 99-1 различает два вида конфискации: 1) специальную конфискацию; 2) конфискацию по стоимости имущества. УК Беларуси конфискацию имущества относит к видам наказания (ст. 61), дифференцируя ее на: 1) общую конфискацию имущества; и 2) специальную конфискацию преступных доходов. УК Казахстана также относит конфискацию имущества к видам наказания. При этом в ч. 1 ст. 51 УК Казахстана особо оговаривается, что за совершение коррупционных преступлений конфискации подлежит, кроме собственности осужденного, имущество, добытое преступным путем либо приобретенное на средства, добытые преступным путем, переданное осужденным в собственность других лиц. УК Молдовы в качестве меры безопасности предусматривает специальную конфискацию имущества (ст. 106 (1)–(3)). Специальная конфискация может также применяться и вне уголовного судопроизводства, когда виновному не назначается уголовное наказание (ст. 106 (4)).

Одной из последних тенденцией в сфере совершенствования мер борьбы с преступлениями экономической направленности можно назвать посылку к

конструированию в отечественном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц. Следует оговориться, что международные стандарты²⁶ одобряют и рекомендуют криминализацию деяний юридических лиц. Целесообразность принятия всех законодательных и иных мер на сей счет комментировалась в рекомендациях ранее указанных Отчетов ГРЕКО. В настоящее время указанные в международных документах «пожелания» все еще не внедрены в нашу национальную правовую систему. И это обстоятельство обуславливается целым комплексом причин-препятствий (теорией «фикции»; господством принципа «персонализации», а не «идентификации»; отсутствием в деянии волевых и психических элементов и др.). Не вдаваясь в дискуссию о существовании этих причин, отметим лишь, что полная реализация идеи введения в российское законодательство уголовной ответственности юридических лиц требует колоссальных преобразований и скрупулезных научных обсуждений. Этот шаг приведет к пересмотру не только многих нормативных правовых актов, прежде всего, УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, но и общетеоретических подходов к институту уголовной ответственности. Возможно, потребуется поэтапное введение уголовной ответственности юридических лиц, первоначально в качестве «пилотного проекта» в отдельных субъектах РФ²⁷.

Сегодня при обсуждении вопроса о введении в отечественное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц традиционно ориентируются на опыт зарубежных государств, который, безусловно, важен и ценен для выбора способа (вида, формы) введения такого института. Однако не стоит забывать, пусть даже не всегда позитивную, практику привлечения юридических лиц к квазиуголовной ответственности, некогда существовавшую в нашем государстве²⁸. Это суждение подтверждает анализ многих нормативных правовых актов в сфере уголовного права и судопроизводства, действующих в России в

²⁶ Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (ст. 18) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394; Конвенция против коррупции от 31 октября 2003 г. (ст. 26) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

²⁷ Лафитский В.И., Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5 (42). С. 867.

²⁸ Лафитский В.И., Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 5–13.

периоды середины XIX – первой половины XX вв.²⁹ Отечественное законодательство, знало этот институт и оперировало многими видами наказаний, известными современному зарубежному праву³⁰. Реализация привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за ряд преступлений экономической направленности, прежде всего посягающих на бюджетобразующие отрасли экономики, находило отражение и в рамках уголовного судопроизводства³¹.

В качестве выводов отметим, что динамический процесс изменения уголовно-правовых норм о преступлениях экономической направленности в русле международных рекомендаций и зарубежного опыта в настоящее время не сбавляет своих темпов. Причем основное внимание уже внесенных в УК РФ дополнений и изменений, сконцентрированных в законопроектах «приковано» к двум блокам уголовно-правовых сфер: 1) к так называемым «традиционным»

коррупционным посягательствам экономической направленности и 2) к преступлениям экономической направленности, совершаемым непосредственно в сфере экономической деятельности. В отношении первой группы прослеживается тенденция к конкретизации и усилению уголовно-правовых мер противодействия, приведению их в соответствие с международными антикоррупционными стандартами, а применительно ко второй группе – стремление к расширению в уголовном законодательстве механизмов использования «экономических санкций». В последнее время наиболее существенные и, более того, постоянные, изменения уголовно-правовых норм о преступлениях экономической направленности вносятся в главу 15¹ «Конфискация имущества» Общей части УК РФ, гл. 21 – 23 разд. VII «Преступления в сфере экономики» УК РФ и гл. 30 разд. X «Преступления против государственной власти» Особенной части УК РФ. Зачастую изменения следуют целыми «комплексами», в некоторых случаях даже с мизерным разрывом во времени, касаются одних и тех же статьей экономической направленности. В ряде случаев предлагаемые изменения уголовно-правовых норм носят смежный, пересекающийся и взаимоисключающий характер не только между предписаниями внутри уголовного закона, но и с положениями иных нормативных правовых актов, так или иначе регулирующих сферу экономического оборота. До сих пор процесс криминализации деяний в названных главах Особенной части УК РФ (особенно в гл. 22) преобладает над их декриминализацией. Последним краеугольным камнем в тенденциях изменения законодательства в русле имплементации международных рекомендаций следует признать введение института уголовной ответственности юридических лиц. В настоящее время последний вопрос в науке уголовного права, равно как и в разрезе правоприменения, пока остается открытым.

²⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. ст. 511–515, 528–530, 985) // Свод законов уголовных. Кн. 1. СПб., 1866. С. 135–136, 139–140, 251–252, 263; Постановление НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» (ст. ст. 2, 8, 9) // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156; Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства» (ст. 8) // СУ РСФСР. 1919. № 25. Ст. 287; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1926 г. «О дополнительных мероприятиях, обеспечивающих усиленную ответственность учреждений, предприятий и лиц за производство расходов, не соответствующих назначениям, предусмотренным бюджетом» (ст. 3) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. С. 255; Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» (ст. 5) // СУ РСФСР. 1929. № 29. Ст. 305.

³⁰ Семькина О.И. Генезис уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве середины XIX–XXI вв. // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): Сб. матер. всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – Ч. 2. С. 269–274.

³¹ Например, должностные лица казенных управлений наделялись правом применения до постановления приговора суда временных мер к юридическим лицам в виде закрытия имущественных комплексов (торговых и ремесленных заведений, фабрик и заводов) при условии, когда иным способом пресечь обнаруженное посягательство и предотвратить нанесение ущерба казенным интересам не представлялось возможным (ст. 1152 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) // Семькина О.И. Правосудие по уголовным делам о преступлениях против имущества и доходов казны по Уставу уголовного судопроизводства // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2014. Ч. 2. С. 248–249.

Библиографический список:

1. Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.
3. Указание Генпрокуратуры России № 387-11, МВД России № 2 от 11 сентября 2013 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений: Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» // Рос. газ. 2006. 25 января. № 13.
5. Указание МВД РФ от 28 января 1997 г. № 1/1157 «О порядке определения экономической направленности выявляемых преступлений».
6. Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» (ст. 5) // СУ РСФСР. 1929. № 29. Ст. 305.
7. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1926 г. «О дополнительных мероприятиях, обеспечивающих усиленную ответственность учреждений, предприятий и лиц за производство расходов, не соответствующих назначениям, предусмотренным бюджетом» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.). – М., 1953. С. 255.
8. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» // СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 421.
9. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства» // СУ РСФСР. 1919. № 25. Ст. 287.
10. Постановление НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. ст. 511-515, 528-530, 985) // Свод законов уголовных. Кн. 1. СПб., 1866. С. 135-136, 139-140, 251–252, 263.
12. Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 20–21.
13. Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 43–47.
14. Голик Ю. Нельзя откупаться от правосудия (реплика) // Уголовное право. 2011. № 3. С. 12–13;
15. Голованова Н.А. Уголовно-правовые способы борьбы с коррупцией // Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / Н.А. Власенко, С.А. Грачева, Е.Е. Рафалюк и др.: отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 217–234.
16. Лафитский В.И., Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5 (42). С. 867–875.
17. Лафитский В.И., Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 5–13.
18. Лифанова Л.Г. Норма о прекращении уголовного преследования по делам о нарушении законодательства о налогах и сборах нуждается в совершенствовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сб. матер. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. С. 86–89.
19. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ.– М.: Вече, 2012. – 176 с.
20. Семькина О.И. Генезис уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве середины XIX – XXI вв. // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): Сб. матер. всерос. науч.-практич. конф. (18 апреля 2013 г.): в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2013. – Ч. 2. С. 269–274.

21. Семькина О.И. Правосудие по уголовным делам о преступлениях против имущества и доходов казны по Уставу уголовного судопроизводства // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2014. Ч. 2. С. 245–250.
22. Сидоренко Э.Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Международное уголовное право. 2013. № 1. С. 13–18.
23. Соловьев Г.О., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 761 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80–82.
24. Шмонин А.В. К вопросу о понятии преступления экономической направленности // Российский конституционализм: история, теория, практика. – Сборник научных статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации / Под ред. О.В. Кабаковой. – Ставрополь: ООО ИД «ТЭСЕРА», 2013. С. 319–329.
25. Шмонин А.В., Семькина О.И. К вопросу о состоянии борьбы с преступлениями экономической направленности в России // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1–2 (29–30). С. 187–192.
26. Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 472 с.
27. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation – the FATF Recommendations 2012 // http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF_Recommendations.pdf (дата обращения: 23.04.2014).
28. Joint First and Second Evaluation Rounds. Evaluation Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 40th Plenary Meeting (Strasbourg, 1–5 December 2008) // Group of States Against Corruption [сайт]. URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 23.04.2014).
29. Compliance Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 49th Plenary Meeting (Strasbourg, 29 November – 3 December 2010) // Group of States Against Corruption [сайт]. URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 23.04.2014).
30. The Handbook of Comparative Criminal Law / Edited by Kevin Jon Heller and Marcus D. Dubber. Stanford University Press. Stanford, California, 2011. – 660 p.

References (transliteration):

1. Antonov A.G. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti // Rossiiskaya yustitsiya. 2013. № 5. S. 20–21.
2. Gladkikh V.I. O nekotorykh problemakh ugolovnoi politiki v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti // Rossiiskaya yustitsiya. 2012. № 3. S. 43–47.
3. Golik Yu. Nel'zya otkupat'sya ot pravosudiya (replika) // Uголовное право. 2011. № 3. S. 12–13;
4. Golovanova N.A. Uголовно-правовые способы бор'бы с коррупцией // Правовые средства противodeistviya коррупции: научно-практическое пособие / N.A. Vlasenko, S.A. Gracheva, E.E. Rafalyuk i dr.: отв. ред. N.A. Vlasenko. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ID «Jurisprudentsiya», 2012. S. 217–234.
5. Lafitskii V.I., Semykina O.I. Uголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2013. № 5 (42). S. 867–875.
6. Lafitskii V.I., Semykina O.I. Uголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Zhurnal rossiiskogo prava. 2014. № 2. S. 5–13.
7. Lifanova L.G. Norma o prekrashchenii ugolovnogo presledovaniya po delam o narushenii zakonodatel'stva o nalogakh i sborakh nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, imena (k 90-letiyu professora R.S. Belkina): Sb. mater. 53-kh kriminalisticheskikh chtenii: v 3-kh ch. – М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3. S. 86–89.
8. Rekomendatsii FATF. Mezhdunarodnye standarty po protivodeistviyu otmyvaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya / Per. s angl. – М.: Veche, 2012. – 176 s.

9. Semykina O.I. Genezis ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits v otechestvennom zakonodatel'stve serediny XIX – XXI vv. // *Organy predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy (k 50-letiyu so dnya obrazovaniya sledstvennogo apparata v sisteme MVD Rossii): Sb. mater. vseros. nauch.-praktich. konf. (18 aprelya 2013 g.): v 2-kh ch.* M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. – Ch. 2. S. 269–274.
10. Semykina O.I. Pravosudie po ugovnym delam o prestupleniyakh protiv imushchestva i dokhodov kazny po Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva // *150 let Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: Sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2-kh ch.* – M.: Akademiya upravleniya MVD Rosii, 2014. Ch. 2. S. 245–250.
11. Sidorenko E.L. Konventsiya OESR po bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok i perspektivy sovershenstvovaniya rossiiskogo ugovnogo zakonodatel'stva // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo. 2013. № 1.* S. 13–18.
12. Solov'ev G.O., Knyaz'kov A.A. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (st. 761 UK RF) // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 7.* S. 80–82.
13. Shmonin A.V. K voprosu o ponyatii prestupleniya ekonomicheskoy napravlenosti // *Rossiiskii konstitutsionalizm: istoriya, teoriya, praktika. – Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Kosntitutsii Rossiiskoi Federatsii / Pod red. O.V. Kabakovoi. – Stavropol': OOO ID «TESERA», 2013. S. 319–329.*
14. Shmonin A.V., Semykina O.I. K voprosu o sostoyanii bor'by s prestupleniyami ekonomicheskoy napravlenosti v Rossii // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan. 2013. № 1-2 (29-30).* S. 187–192.
15. Shmonin A.V., Semykina O.I. Prestupleniya ekonomicheskoy napravlenosti: ponyatie i genezis ugovnogo zakonodatel'stva: monografiya / otv. red. professor, doktor yuridicheskikh nauk A.V. Shmonin. – M.: Yurlitinform, 2013. – 472 s.